

КОЛЛЕКЦИЯ

КАРТАНИ

историй

ЭКСКЛЮЗИВ

ВДОВА
ВЛАДИСЛАВА
СТРЖЕЛЬЧИКА
О МУЖЕ

ТАЙНА
ГИБЕЛИ
ОЛЕГА ДАЛЯ

**Максим
Аверин:**

«В сорок семь
я считаю себя
подающим
надежды
артистом»

**СЕРГЕЙ
ШАКУРОВ:**

«МОЙ ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП
В ЖИЗНИ — НЕ СПЕШИТЬ.
КТО ВЕРИТ, ТОТ НЕ ТОРОПИТСЯ»

16+

ISSN 1818-4383
9 771818 438774
02

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

В НОМЕРЕ:

ИСКУССТВО ЖИТЬ

6

Сергей Шакуров:
«Мой главный принцип
в жизни — не спешить.
Кто верит, тот не торопится»

ПРОЗА ЗВЕЗД

42

Максим Аверин:
«Без театра не могу,
но и кино обожаю»

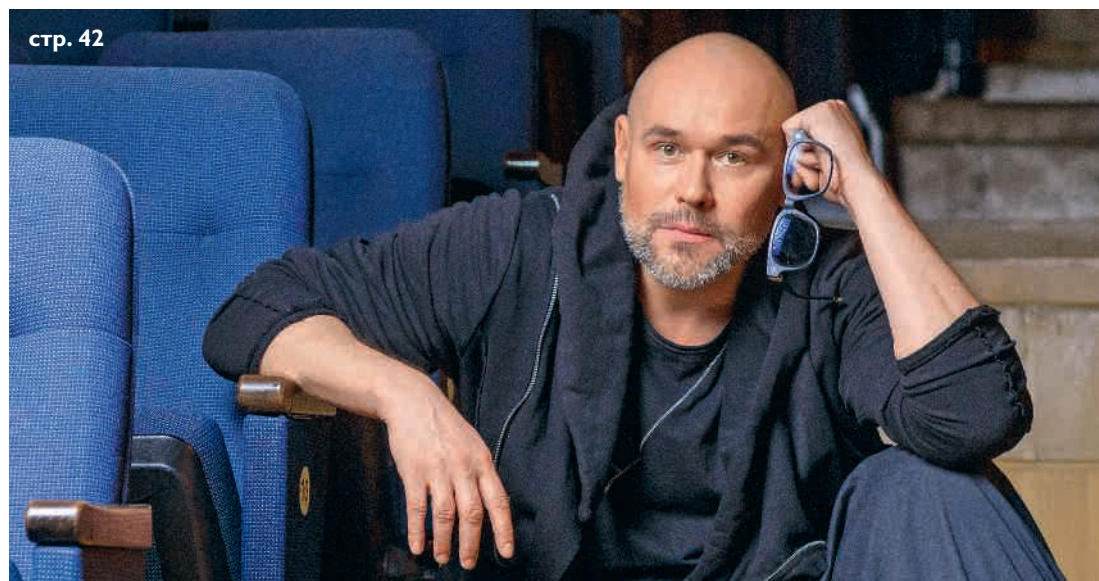
94

Алена Коломина:
«Когда мне глобально чего-то
хочется, мечты сбываются»

ИМЕНА

74

**Вдова Владислава
Стрельчика:**
«В театре его без
иронии называли Ваше
превосходительство»

стр. 174

стр. 120

ПИСАТЕЛИ

120

Татьяна Устинова:
«Любого придуманного героя еще надо оживить...»

АРХИВ ЗВЕЗДЫ

144

Людмила Целиковская:
«Мне надоело бегать по рынкам, магазинам и зарабатывать деньги. Хочу раз в году ничего не делать». Личная переписка легендарной актрисы

НАШ АРХИВ

174

Людмила Иванова об Олеге Дале:
«Его нужно было только понимать, принимать и прощать ему все, просто все. И больше ничего»

ГОРОСКОП

192

Астрологический прогноз на февраль

стр. 144

СЕРГЕЙ ШАКУРОВ:

«МОЙ ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП
В ЖИЗНИ — НЕ СПЕШИТЬ.
КТО ВЕРИТ, ТОТ НЕ ТОРОПИТСЯ»

Я мог бы заниматься спортом и быть тренером. А еще стать циркачом. Меня в цирк приглашали и обещали блестящую карьеру и золотые горы. Но я рад, что не пошел. Я вообще мог бы заниматься чем угодно с большим интересом. Например, с удовольствием водил бы какую-нибудь грузовую громадную 20-тонную машину.

Фото: Михаил Королев
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Галина Пантелеева
Продюсер: Татьяна Жихарева

На Сергее Шакурове:
свитер, брюки
United Colors of Benetton;
на Марате: водолазка **Sisley**,
пиджак, брюки **Windsor**

«Есть внутренние правила. Зная, что сегодня вечером спектакль, постараюсь выспаться. Или могу целый день не есть. Сытость усыпляет эмоции».
Сергей Шакуров, 1992 год

Это суть моей профессии. Поэтому никаких экспериментов не боюсь...

Разные были периоды. В конце 90-х годов кино почти не снималось, приходилось выкручиваться, выискивать работу. А сейчас картин навалом. Заснуть не дают с предложениями. Какая-то пошла волна, молодежь почему-то сильно заинтересовалась мной. Я выбираю, встречаюсь с режиссерами, разговариваю подробно, мне надо точно узнать, что они хотят, думают о сегодняшнем дне, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые месяцы съемочного периода. Я же не могу себе позволить ничего лишнего. Мне будет стыдно перед моими зрителями, которые, к счастью, есть. Я ими дорожу.

Когда я соглашаюсь на роль, прежде всего опираюсь на сценарный материал и личность режиссера. Всегда надеюсь на интересный результат. Но это — порой лотерея, выигрыш в которой зависит от множества слагаемых, дажe от момента премьеры.

— Где вы сейчас снимаетесь?

— Недавно закончили съемки в нескольких проек-

— Сергей Каюмович, вы так легко и непринужденно переместились на платформы и в модные сериалы! Немногие советские артисты отважи-

ваются на то, например, чтобы сыграть вампира Серпа Иванова в «Пищевлоке».

— Потому что знаю, как это сделать. И все-таки я из тех актеров, которые владеют искусством перевоплощения.

тах. На Новый год вышла картина «Оливье», которую снимали в начале прошлого года на любимом «Беларусьфильме». По-настоящему доб-

рая и искренняя семейная история.

Жду сериал «Друг на час». Отлично закрученный сценарий и, что ценно, не оторван от на-

шей обыденной жизни, и главное — с любовью к ней. Каждого может закрутить подобная череда событий, заставив испытать всевозможные эмоции.

Я выбираю, встречаюсь с режиссерами, разговариваю подробно, мне надо точно узнать, что они хотят, думают о сегодняшнем дне

Сергей Шакуров в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих», 1974 год

А в фильме «За ВДВ» я играю боевого офицера, прошедшего горячие точки. Человека с принципами, которые он не готов разменять в угоду сиюминутной конъюнктуре. Он не останется один на один с несправедливостью.

— В одном интервью вы сказали, что уже сыграли все и обо всем, все страсти и все чув-

работали так: камеру в одну сторону, потом — в другую: на Шакурова, теперь на Лаврова, а теперь опять на Шакурова.

— И так два года.

— Да, два года, год. А сейчас весь съемочный период на полный метр 20 дней, 24 дня, ну, 26 от силы. И весь процесс у режиссера заключен в монтаже. Ты уже никак

платно, если, допустим, это дипломная работа. Диплом — это неделя-полторы съемок где-нибудь в парке «Сокольники». Я все-таки тоже присматриваюсь, мне тоже интересно, какое это новое поколение, каким воздухом оно дышит, я от них тоже цепляю много нового, свежего, другого.

— И какие выводы?

Сейчас будущим картины занимаются продюсеры, артисты в этом не участвуют. А раньше мы переживали, обсуждали, ждали выхода...

ства. Что сейчас является главным аргументом, когда вы соглашаетесь сниматься? Самый важный ресурс — это время, и важно, на что его потратить.

— Это очень важный и серьезный вопрос. Появилось новое поколение. И оно мне любопытно. Очень. Тот период моей советской кинематографии канул в Лету, практически никого не осталось: ни Алексея Сахарова, ни Марлена Хуциева, ни Анджея Вайды, ни Сергея Соловьева, ни Александра Столпера... Но появились их ученики, дети...

— Внуки.

— Да, внуки, окончившие нашу школу вгиковскую, надеюсь, с хорошим образованием и точно с необыкновенными традициями. Им уже не нужна камера на треноге. Они снимают все с руки, с двух-трех камер, чтобы ускорить процесс, сделать его более объемным. Ничего не упустить, все успеть. Мы же

не влияешь на ситуацию. Отснялся, поцеловались, выпили по рюмке на шапке и до свидания. Будущим картины занимаются продюсеры, артисты в этом не участвуют. А раньше мы переживали, ждали, обсуждали: «Ой, сократили». — «Да не может быть! А кто сократил?» — «Да Госкино». — «А кто?» — «Ну, Ермаш» — был такой министр кинематографии.

Сейчас ты даже не следишь, вышла картина или нет. Тебя уже захватила другая волна, уже другой молодой, из только что оперившихся звонит:

— Сергей Каюмович, я так боюсь и стесняюсь даже к вам обратиться, но у меня есть такая задумка. Вы мне нужны!

Я читаю сценарий и говорю:

— Хорошо, я тебе помогу, если ты «застрял» конкретно на мне.

У меня таких случаев полно. У кого-то снимаюсь бес-

— Они и мыслят, и разговаривают, и работают иначе. Раньше режиссер говорил: «Сережа, мы отсняли, хочешь посмотреть?»

Эти — нет, они сами по себе. Смотрят и потом говорят:

— Ага, давайте еще дубль.

— Так я же хорошо сработал.

— Сергей Каюмович, там что-то со светом.

Врут или не врут, не знаю.

— А что абсолютно ушло?

— Репетиционный период. Я сейчас с Горевым снимался в одной сцене (фильм «За ВДВ». — *Прим. ред.*). Мы только поздороваться с Мишей успели: «Привет!» — «Привет!» — и сразу в кадр. Он знает текст, я знаю текст. Никаких репетиций. А раньше садились отдельно с режиссером, он разбирал, и мы репетировали, оговаривали сцену, текст, если что-то не нравилось — убирали. Сейчас все другое. Да люди другие!

«Раньше садились отдельно с режиссером, он разбирал, и мы репетировали, оговаривали сцену, текст, если что-то не нравится — убирали. Сейчас все другое». Сергей Шакуров и Людмила Гурченко в фильме «Любимая женщина механика Гаврилова», 1981 год

— **Какие?**

— Только звучит: «Стоп, снято!» — они тут же в телефоне.

Я к съемкам готовлюсь, переписываю от руки на бумагу текст, мне так лучше запоминается, и что-то нахожу в нем свое или переделываю реплики, не очень ловко написанные, чтоб именно под моего героя легло. А молодые ребята

текст роли учат не с листа, а со смартфона. Сцена закончилась, и они быстро переключились — болтают о какой-то сторонней ерунде, прежде чем начать другую сцену. Я так не умею, да и не хочу. Но и жизнь изменилась. Другой мир, другие законы, воспитание, воздух. Они формируются совершенно иначе, чем мы.

— **А каким были вы? Как формировались в детстве, как вас воспитывали?**

— Меня не воспитывали. Учился я ужасно. Если мама приходила с работы и я улыбался, она уже знала, что получил двойку. А иногда я получал кол и говорил, тоже улыбаясь:

— Мам, ну так получилось...

Она улыбалась мне в ответ:
— Ну, Сереженька, ну что же ты прям совсем уже, ну, двойку ладно, я еще согласна, но кол...

При всем моем бесшабашном характере мать меня очень любила. И я ей очень благодарен за то, что она меня никогда пальцем не тронула, что бы я ни натворил —

абсолютно самостоятельная. Забежишь домой, отломишь кусок черного хлеба, в рыбий жир макнешь и сыт. Так что рыбьего жира в детстве я наелся на всю оставшуюся жизнь.

— **А отец?**

— Он вообще не знал, чем я занимаюсь. Ему было неинтересно, у него своя жизнь.

К съемкам готовлюсь, переписываю от руки на бумагу текст, мне так лучше запоминается, и что-то нахожу в нем свое или переделываю

или окно разбил у соседей, или что-то еще сделал нехорошее, шальное. Пацаны ведь шкодили. Мы жили в двухэтажном особнячке на Гоголевском бульваре, 4 и оттуда с крыши кидали в прохожих гнилые помидоры, вареную картошку или что под руку попадало. Целились по шляпам. Почему-то не любили мужиков в шляпах. Таким образом забавлялись в основном летом, потому что именно тогда жили на крыше всей своей дворовой компанией. И целыми днями у нас — футбол. Причем никакой специальной обуви не было — или босиком, или в сандалиях. И в трусах, предоставленный самому себе, я гонял по двору. Мать на работе, брат и сестра на десять и двенадцать лет меня старше. Сестра в училище, брат в техникуме сварщиком. Вот такая жизнь,

Он был охотником, у него в сарае во дворе жили 16 собак.

— **Сыновей не приучал к этому делу?**

— Нет, на охоту нас он не брал. Мы даже ружья ни разу в руках не держали. Он был очень замкнутый татарин. Его контузило, плохо слышал. И круг друзей у него свой — татары, с которыми он и общался. В центре Москвы их как раз было очень много — дворники, носильщики, точильщики металла, которые ходили по дворам. Отдельная каста. Отец, когда домой приходил, с нами не общался. Он и говорил-то по-русски не очень хорошо. А татарского языка никто в семье не знал, даже мать ни слова.

— **Что свело вместе таких разных людей — вашу маму и отца?**

— Не знаю. Они познакомились в Кашире. Мать была

На Сергее Шакурове:
свитер **United Colors**
of **Benetton**,
пальто **Windsor**

дочерью православного священника. И каким образом все у них происходило, я никогда не интересовался. Но четверых детей да в трудные годы точно в любви нарожали.

Жили очень хорошо, весело. Двор у нас был прекрасный, все друг друга любили, все друг друга подкармливали, все друг другу помогали. Если кто-то заболел — лекарство, горчичники — все что

угодно. Окна первых этажей были открыты. Двери не закрывались, у нас не было в дверях запора. В любое время могли прийти гости. Отец привозил с охоты кучу дичи, мать ее жарила, варила и сра-

Я не могу себе позволить ничего лишнего. Мне будет стыдно перед моими зрителями, которые, к счастью, есть. Я ими очень дорожу

«Гундарева была гениальной партнершей! Ей нет замены. У нас несколько картин вместе: и «Срок давности», и «Две стрелы», и «Собачий пир», и так далее». Сергей Шакуров и Наталья Гундарева в фильме «Срок давности», 1983 год

Сергей Шакуров и Галина Беляева в фильме «Анна Павлова», 1983 год

ФОТО: МОСФИЛЬМ-ИНФО

зу всех соседей звала. А еще патефон ставили и гуляли до ночи.

— **Были какие-то предпосылки, что вы станете артистом?**

— Боже упаси. У меня все в жизни случайно. Вот в пионерском лагере подошел ко мне пионервожатый, говорит:

— Слушай, ты такой подвижный, в футбол замеча-

тельно играешь, давай я тебя отведу в спортивную секцию.

Я говорю:

— Давай.

Вернулись в Москву, он меня взял за руку и отвел. Дальше

я стал ездить сам на стадион Юных пионеров, метро «Динамо». И пошло, пошло. В 18 лет я уже стал самым молодым мастером спорта Советского Союза по акробатике.

Или театр, например. Когда я в школе учился, ко мне ребята подходят: «Слушай, ты же читаешь неплохо, давай в драмкружок, там какой-то мужик интересный, бывший ар-

тист». Я залез в этот кружок, мне понравилось. Начал валять дурака. Потом драмкружок перерос в Народный театр на Яузе. Туда совершенно случайно этот руководитель

Сергей Шакуров
с супругой Екатериной
на фестивале
«Черешневый лес»,
2006 год

ФОТО: АНАТОЛИЙ АНТОНОВ / PHOTOXPRESS.RU

— Пацан интересный, давай его учиться отдадим.

— Так у него нет среднего образования!

Я школу бросил после восьмого класса, надоело учиться, и пошел работать в таксомоторный парк.

Но Розов договорился и меня в виде исключения взяли в школу-студию при Центральном детском театре. Я ее и окончил. Дипломным спектаклем был «Фигаро» по Бомарше. Пошли мы с другом и однокурсником распределяться после окончания по театрам. Друга взяли в Таганку, где тогда работал Любимов, и он мне туда же прийти предлагал, но я отказался. Не нравилась мне Таганка. Пошел на Бронную, и меня Андрей Александрович Гончаров не только взял в театр, но даже главную роль сразу дал в пьесе Владимира Максимова «Жив человек». Месяца два я репетировал, а потом все уехали на гастроли в Ригу, а мне пришла повестка в армию. Я пытался руководству дозвониться, но

— Здравствуйте, товарищ Шакуров. Вам повестка пришла?

— Да.

— Хотите вместо действующей армии работать в Театре Советской армии и одновременно служить?

— Конечно.

— Приходите в понедельник к девяти утра в театр.

Я пришел. Леонид Хейфец репетировал там «Смерть Иоанна Грозного». Он мне дал роль Шута. Роль я сделал так, как хотел. Убрал голову, которую специально из папье-маше изготовили, чтобы артист ее пинал ногами. Я сказал: «Леонид Ефимович, это очень прямолинейно». Мне хотелось другого. Режиссер спросил: «А что ты предлагаешь?» И тогда я многое придумал. Например, когда шел царь, я колесом за ним следовал до трона. Мне легко, я же акробат. Сделал роль за неделю или полторы до выпуска. До этого ее полгода репетировал другой артист. У спектакля был успех, и мой Шут

Я не сижу на месте, постоянно в самолетах, в поездах. Завтра в Липецк, через три дня в Минск... Друзья просят: «Каюмыч, можешь прилететь?»

пригласил драматурга Виктора Розова на спектакль «Не было ни гроша, да вдруг алтын» по Островскому, где я играл Елесю. Розов говорит руководителю:

не получилось. Про меня все забыли. А тут звонок из Театра Советской армии (видно, они как-то узнали, что парень есть у Гончарова талантливый, репетирует главную роль):

впечатлил людей. И когда Козинцев стал делать «Короля Лира», он Даяля для роли Шута постриг как меня, он же видел наш спектакль, а я был просто солдатом стриженным.

Я, конечно, на сцене себя не ограничивал, хулиганил, задницу голую показывал на троне, когда приходил посол. Причем мне Леонид Ефимович говорил: «Театр Советской армии — это не Таганка, тут нельзя такие вещи делать. Ты чего? Меня выгонят». Ну, конечно, в итоге его выгнали... Но не из-за меня.

Картин навалом. Заснуть не дают с предложениями. Какая-то пошла волна, молодежь почему-то сильно заинтересовалась мной

— Но вы написали заявление об уходе даже раньше Хейфеца. Зачем такая горячность?

— Это мой максимализм. Потому что когда ты приходишь на репетицию и узнаешь, что режиссера увольняют, именно такой первый порыв... Я пришел на репетицию спектакля «Любовь Яровая». В 11 часов все обычно начинается. Все собрались в зале, а Лени нет. Пять минут, десять минут, пятнадцать минут проходят. Спрашиваем: «Где режиссер?» Приходит ассистент: «Никто не знает по какой причине, но Леонида Ефимовича в театре нет». Я иду к Андрею Алексеевичу Попову (главный режиссер Театра Советской армии и исполнитель роли Грозного. — *Прим. ред.*). Мы уже хорошо знакомы, столько водки с ним выпили, пока возили «Смерть Иоанна Гроз-

ного» по всему Советскому Союзу. Стучусь, там закрыто. Узнаю, что он у полковника Антонова, начальника театра. Звоню Лене Хейфецу домой, спрашиваю:

— Что случилось?

— Меня попросили уйти. Вызвал Антонов и говорит: «Вы больше не работаете».

— Не может быть!

— Сережа, может...

Я вешаю трубку, пишу заявление, поднимаюсь к Антонову. Секретарша кричит: «Куда? Куда? Куда?!» Ну, там так не принято, это военный театр. Открываю дверь, смотрю, а у него сидят главный режиссер Попов, главный художник Сумбаташвили. Я подхожу и как шарахну по столу! Заявление оставил, повернулся и ушел. Спускаюсь вниз, набираю телефон:

— Леня, я подал заявление об уходе.

— Ты что, с ума сошел?

— Все, разговора быть не может.

— Хорошо, бери две бутылки водки, приезжай ко мне.

Я так и сделал. А потом туда подъехали Наташа Вилькина, Алина Покровская, и мы весь вечер пили водку. Леня только через неделю написал заявление об уходе.

На Сергее Шакурове:
свитер **United Colors**
of **Benetton**

«Еще до того как «Папу» начали ставить в «Современнике», носился с этой пьесой год, искал партнеров, продюсеров, деньги. Чувствовал, это мой материал, который я бы хотел сделать. Редко такое бывает...» **Виктория Толстогонова и Сергей Шакуров, спектакль «Папа», театр «Современник», 2021 год**

— **В общем, вы бежите впереди паровоза... Никогда об этом не жалели?**

— Я никогда не жалею о том, что делаю. Внутренний

голос мне говорит: ты сделал все правильно, молодец. Не то что я этим бахвалюсь, но у меня очень сильная интуиция. Я иногда какие-то вещи пре-

дугадываю. Понятия не имею, откуда это.

— **После Театра Советской армии вы служили в Театре Станиславского?**

— Да, и пошел туда, кстати, прислушавшись к интуиции. Леня Хейфец начал работать в Малом театре, звал меня, но я отказался. Как-то иду по улице Горького, теперь это Тверская, вижу — такой замечательный театр, афиши симпатичные с именами: Леонов, Глазырин, Урбанский, Гребен-

сдохнуть — рано...» Раздинского.

И мы с Наташкой сделали бомбу. Спектакль был чумовой. Шел с неизменными аншлагами в самый неудачный для всех театралов день — в поделник. Гончаров его даже недолюбливал за этот успех. Это естественно. Режиссером

был не он, а приглашенный Володя Портнов.

— Какой Гундарева была в работе?

— Гениальной партнершей! Ей нет замены. У нас несколько картин вместе — и «Срок давности», и «Две стрелы», и «Собачий пир», и так далее. Она талант, профессионал,

Сегодня у меня спектакль. Вчера давал мастер-класс в Большом театре молодым артистам. Круговерть. Это наполняет смыслом дни

щиков Юра. Я смотрю на них и думаю: «Какие хорошие артисты. Почему тут нет моего имени?» И все. Вошел в театр, напрямик направился в кабинет главного режиссера и сказал:

— Я хочу у вас работать.

Он ответил:

— Хорошо.

И дальше все понеслось как по нотам. Но тоже до определенного времени, пока там были Васильев, Морозов. А когда они ушли, я понял, что в театре мне делать нечего, и уволился. Решил, что служить в какой-то определенной труппе, — это вообще не мое.

А через год позвонила Наташа Гундарева: «Сережа, давай сыграем с тобой одну хорошую пьесу в Театре Маяковского». Это «Я стою у ресторана: замуж — поздно,

Сергей Шакуров в спектакле «Иванов и другие», МТЮЗ, премьера в 1993 году

трудяга. И ей все непросто давалось, но она набила руку в театре с Гончаровым, приобрела мастерство высочайшего класса. Собственно, театр ее и сделал актрисой.

Когда Наташка работала над ролью, то же, как и я, все время писала. Но она даже пьесы переписывала. Я удивлялся: «В кино — это я понимаю, но в театре-то тебе все

ваша фамилия производное от этого слова. В ней заложен большой смысл. Кому вы благодарны?

— Людям вокруг меня. Они меня сформировали. Жизненному опыту — любому. Удачам и испытаниям. Всех перечислять тоже не будешь. Наташа Гундарева, но про нее я уже говорил. Мне повезло с ней работать. Маша Аронова. Мы с

ней друзей много. Леонид и Оксана Ярмольник — уникальные друзья. Очень близкие люди. У нас взаимопонимание на клеточном уровне, дружим, даже не могу сказать сколько лет. Мы скучаем друг без друга и, если неделю не видимся, звоним: «Давай встретимся».

Никита Сергеевич Михалков. Общаемся, созваниваем-

Моя свобода выбора ограничивается отказом работать над тем материалом, который не по душе. У меня нет возможности искать роли

переписывать зачем?» Но она это упрямо продолжала делать. Помню, на репетиции «Я стою у ресторана» она всегда сидела со своим блокнотиком. У нее было очень много текста. Она же до моего появления 20 минут говорит по отключенному телефону с несуществующим собеседником, а это очень сложная игра. Публика была в шоке, когда это выяснялось. И потом начинался скандал между нашими героями. Наташа несколько раз харкала кровью после спектакля, такое напряжение.

— Вы много вместе ездили на гастроли, как она устраивала бы?

— Она готовила очень хорошо. Наташа заботилась обо мне, о режиссере Володе Портнове, обо всех в театре, когда мы ездили куда-то. Очень хлебосольная девушка была.

— «Шакур» — с арабского переводится как благодарный,

ней лет пятнадцать играем спектакль «Маленькие комедии» по Чехову. Публика балдеет. Мы еще и семьями дружим. С Машей я каждую неделю вижу. А с Наташей виделся почти каждый день, потому что спектакль был популярным, и картины одна за другой.

Станислав Говорухин, с которым я очень часто встречался и любил пообщаться. Алексей Баталов, от общения с которым многое почерпнул. Сергей Соловьев, с которым у меня три картины. Мы жили рядышком. Он на Большой Бронной, а я на Малой. Соседи. И общались, и созванивались. Он преподавал, а я студентам-дипломникам помогал.

С Юрой Башметом я дружу много лет, вот сейчас на его фестивале в Челябинске с оркестром работал. Мы часто встречаемся, созваниваемся, справляемся о здоровье. У ме-

ся. Именно он меня к большому теннису пристрастил. Просто сейчас время такое, не так часто можно себе позволить встретиться, потому что все заняты.

— И вы в первую очередь.

— Да. Я не сижу на месте, постоянно в самолетах, в поездах. Завтра в Липецк, через три дня в Минск... Намечается какой-то фестиваль, где показывают мою картину, и мои друзья просят: «Каюмыч, можешь прилететь в Воронеж?» Недавно я был на фестивалях в Ейске и Новороссийске. Это тоже входит в мою профессию — выступить, спеть что-то, прочесть — увидиться со своим зрителем. У меня громадный чтецкий репертуар и песен два десятка на любой вкус. Это уже как целый спектакль. Но я, слава Богу, свободный художник. Ни одной труппе не принадлежу. Занимаюсь тем, чем хочу. Сегодня у меня